

Здесь...

здесь тихо дремлют облака на дне колодца,
и цапля моется в прохладном хрустале...
здесь век за веком слезы раненого солнца
грибным дождем летят к измученной земле.

к полям опять спешат ветра с опушки леса,
и в сотый раз им шепчет сторбленная рожь:
«скажите людям: вас не ждут в раю небесном,
ведь рай земной давно «ушел» за медный грош».

но здесь, как прежде, над рекой звенят стрекозы,
пряят кресты, в бурьяне прячется зола...

а по крестам стекают солнечные слезы
и застывают, превращаясь в купола.

НЕ НОСЯТ АНГЕЛЫ ПАЛЬТО

нет, не носят ангелы пальто,
не болеют, не обходят лужи,
не играют в карты, и в лото.
просто... это ангелам не нужно.

легче слов, прозрачнее слюды,
тихо пролетая над домами,
оставляют ангелы следы —
те, что на земле зовут ветрами.

нет, не боги — ангелы они,
и готовы под накидкой ночи
в лунном решете просеять дни,
охраняя... временно порочных.

и в краю спрессованных веков
ангелы молчат о близких далях,
о поломке солнечных часов,
связанной всего с одной деталью.

тени чисел трогая едва,
вспоминают ангелы, как в рощах
тучам корчит рожицы листва,
как стихия площади полощет.

как тропа к подоблачной заре
может быть неповторимо млечной,
а на складе дней — в календаре
нет еще пустой страницы — «вечность»,

как задачи сыплются в тетрадь,
а в блокнотах прячутся мгновенья,
чтоб однажды выйти и узнать
неземного шара притяжение.

нет, не носят ангелы пальто,
хоть и не забыли запах крепа,
и, замерзнув, кутаются в то,
что когда-то называли небом.

Над...

Марк Захарович Шагал
Плыл по жизни — не шаггал.
Вадим Егоров

Хочешь, взлетим над городом?
Хочешь, взлетим над прожитым?
Да? Значит, с легким шорохом
Шаг — и под нами прошлое.

Видишь, дождями залиты
Крыши, дороги, дворики.
Бродят по свету Гамлеты
Тропами бедных Йориков.
Всюду пруды-оладушки,
Рельсы ползут упрямые
К той, что зовется Аннушкой,
К той, что зовется Анною.
Омут внизу рябиновый
Ждет белоснежной магии.
Станет вода руинами,
Что-то сошьют Акакию.

Лики.
Виденья.
Облики.
Воздух до боли питерский.
Сны притаились в облаке.
Долго парим над Витебском.
Кто-то, закинув голову,
Годы толкает с паперти,
Чтобы, взлетев над городом,
Нас написать... по памяти.

Привет, отец!

ПРИВЕТ, ОТЕЦ! Конечно — не пустой... Как обещал, привез ведро с краской. Ах, ты об этом... Папка, боже мой — конечно, взял и водки, и колбаски. А у тебя здесь тихо. Хорошо. Ни городского шума, ни заводов. Вся жизнь свою ты сетовал на то, что был Москвой оторван от природы.

Да, путь к тебе съедает много сил. Дай отдыхи и «накачу» с дороги; и то, что я тебе не говорил, скажу сегодня в пьяном монологе. Напомню без упрека НАШИ дни, когда встречались мы по воскресеньям; как ждали щеки пухлые мои колючих губ тепло прикосновенья. Поведаю про старенькую мать, про сына и московскую погоду, про то, как много раз хотел сказать, что я любил тебя все эти годы.

Я буду говорить под благовест про то, что шесть десятков — это мало, и чувствовать, подкрашивая крест, горячий взгляд с холодного овала.

а ГОРОД СПИТ

закрит подъезд от холода вселенной.
стемнело. задремал на пятом лифт.
дверной замок не новый, но надменный,
как подобает, строг и молчалив.

уже угомонился кот соседский,
и только одиночество одно
заваривает кофе по-турецки
и смотрит в черно-белое окно.

от ледяных перин планета пухнет,
заглядывая в тысячи квартир...
кофейник, блюдо, чашечка и... кухня,
в которой сфокусировался мир.

а город спит. и небо без движенья.
лишь фонари, устав от холодов,
выгуливают собственные тени
на поводках трамвайных проводов.